

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Разноликие загадки балета

«...Еще у нас проблема с Отчаянием, а кто же у нас есть? Поставлено на жест, на разножку. Могла бы прыгнуть Иванова, и жест у нее есть. И Барышню надо привести в порядок...».

Монолог, загадочный для непосвященных, с полуслова понимали собеседники Николая Николаевича Боярчикова — художественного руководителя балетной труппы и главного балетмейстера Малого театра оперы и балета. В тот вечер давали балеты «Одиннадцатая симфония» (Отчаяние — ее центральный персонаж) и «Барышня и хулиган», идущие на сцене театра более двадцати лет.

Подумный театр уже опустел. Разошлись по домам артисты. В режиссерском управлении, как всегда, задержались соратники худрука — режиссер, ведущий спектакли, Майя Ефимова, ее помощник — Дмитрий Церус, инспектор балета и репетитор Анатолий Сидоров. Дел и обязанностей у главного балетмейстера — помимо художественных — великое множество. Ныне спектакль прошел неплохо, но надо думать о его будущем. Актеры сменяются, найти же достойную замену первым исполнителям не просто. А сколько таких спектаклей в афише театра!

Репертуар Малого оперного — уникальный по богатству балетмейстерских имен — своеобразная антология хореографической мысли недавнего прошлого и настоящего. Недаром со дня основания этот театр именовали лабораторией советского балета. Дух эксперимента ощущим здесь по-прежнему. Сегодня опыты ставит Боярчиков. Сочинение балетных спектаклей — главное дело и смысл его жизни.

С тех пор, как в 1977 году Боярчиков возглавил труппу, на афише театра один за другим появляются его балеты. Они — своеобразное художественное явление, имя которому «театр Боярчикова». Значительность его признают даже те, у кого творчество хореографа вызывает лишь познавательный интерес. Впрочем, и страстные приверженцы балетмейстера к различным его работам относятся по-разному. Одни предпочитают «Макбета» — балет одновременно жестокий и поэтический, парадоксально стalkerивающий разгул злых людских страстей с таинственной гармонией природы. Других захватывают «Разбойники» с их динамичным дей-

ствием, открытым самовыявлением героев, экспрессией сценических красок. Симпатии третьих принадлежат «Орфею и Эвридике» — синтетическому представлению, где за эстрадной броскостью приемов скрываются тревожные и грустные раздумья. Иных волнуют ипохондрические и аллегоричные эпические неторопливого «Царя Бориса». А кто-то не может забыть «Трех мушкетеров» — изящно ироничную и озорную версию известного романа, балетную комедию, которой двадцать лет назад так громко заявил о себе хореограф-дебютант, тогда еще студент третьего курса балетмейстерского отделения Консерватории.

Разногласица мнений понятна: балетмейстер недюжинной фантазии умеет быть всегда неожиданным, всегда новым. Круг занимающих его тем чрезвычайно широк. Разнообразны источники, к которым он обращается. Его влекут серьезные нравственно-философские проблемы, но с поразительной легкостью и органично он переносится в шутивную атмосферу комедии. Вот и теперь, после трагического «Макбета», приступил к репетициям гоголевской «Женитьбы», решаемой им в ключе клоунады.

Личность балетмейстера сложна и многогранна, его искусство разнолико, но все, что делает Боярчиков, отмечено духовной цельностью, единством принципов, с завидной твердостью пронесенных через многие годы. Хореограф доказывает способность балета говорить о вещах серьезных, будоражить души и умы зрителей. Не случайно Боярчиков считает себя учеником Федора

Лопухова и Игоря Бельского — хореографов-мыслителей, открывших балету неведомые прежде сферы образного содержания. След за ними Боярчиков отстаивает права интеллектуального балета. В его таланте тоже бьется жилка исследователя и экспериментатора. Он одержим стремлением понять и объяснить тот мир, в котором мы живем, сквозь видимость явлений прорваться к сути. Он не боится горьких выводов и не дает рецептов счастья. Он ищет истину и заставляет думать, самостоятельно искать ответы на вечные вопросы бытия. Поэтому его балеты, как правило, оканчиваются «многоточием».

Законами балетной поэтики Боярчиков распоряжается со смелостью художника восьмидесяти годов XX века, проявляя при том чудеса изобретательности. В его спектаклях обретают зримый облик, материализуются метафорические образы и отвлеченные понятия. Здесь начинают жить и действовать предметы неодушевленные. Тут может отделиться от героя владеющая им идея, а разные по времени события «совпасть» в пространстве мизансцены. Порой пластические композиции так изощрены по рисунку, насыщены столь сложной информацией, что, будто ребус, требуют разгадки. Но это, так сказать, издержки творческого метода и стиля, являющиеся продолжением достоинств.

В понятии «балетный театр» этому хореографу важны оба слова. Пластика в его спектаклях — слагаемое, пусть и ведущее, общей структуры, подержанной и музыкой, и сценографией. Объединяющим началом выступает режиссура. Оригинальная, умная, по-балетному метафоричная, она наполняет сценическое действие той смысловой многоплановостью, придает ему ту остроту и необычность формы, которые и зовутся «театром Боярчикова».

Наверное, именно таких людей можно считать счастливыми. Боярчиков — признанный мастер, один из лидеров современной хореографии. Он окружен единомышленниками — композиторами, художниками, артистами. Работает в родном театре, где был танцовщиком, актером, где дебютировал как балетмейстер. Теперь он балетмейстер главный — по праву таланта и мастерства. Авторитет его абсолютен. Сегодня театр посвящает его юбилею спектакль «Макбет». А завтра репетиция «Женитьбы», и мысли все сосредоточены на ней. А сколько планов ждут осуществления! А сколько неотложных дел в театре! А время-то летит. Успеть бы только! Только бы успеть!

О. РОЗАНОВА,
кандидат искусствоведения

На снимке: Н. Боярчиков.
Фото Ю. ЩЕННИКОВА